

Животные — друзья, а не еда

Старинное учение кри гласит: люди не охотятся на лося без причины. Лось отдает себя людям только в моменты настоящей нужды. Эта история — не просто легенда, это наставление. Оно говорит нам, что животные — не наша собственность, чтобы брать их по своему желанию. Они наши родственники. Когда они отдают свои жизни, это дар. А дары требуют благодарности, смирения и сдержанности.

История человечества когда-то это понимала. На протяжении веков мясо не было повседневным правом. Когда люди перешли к земледельческой жизни, животные стали спутниками в борьбе за выживание: они давали молоко, яйца и труд. Их жизни щадили, кроме самых суровых зим или редких праздников, когда община требовала пира. Мясо было редкостью и потому священным. Его употребление означало уважение к тяжести жертвы.

Но мы сбились с пути. По мере роста богатства мясо изменилось. Оно стало символом статуса, товаром, способом демонстрации власти. Оно перестало быть редкостью, стало обыденностью. Однако всегда были те, кто противился. Даже в разгар европейского Ренессанса Леонардо да Винчи заявил, что не сделает свое тело «могилой для трупов животных». Его отказ не был прихотью; это была моральная позиция. Он видел то, что другие игнорировали: жизнь, отнятая легкомысленно, — это жизнь, лишенная уважения.

Другие традиции также несли эту истину. Буддизм ставил сострадание в центр человеческого поведения — не только по отношению к людям, но ко всем разумным существам. Употребление животного в пищу продлевает страдания, глубже связывает с вредом. Воздержание — это практика *ахимсы*, ненасилия в действии. Это учение перекликается с историей кри: жизнь никогда не должна отбираться бездумно.

Современный мир в значительной степени отверг эту мудрость. Во времена Великой депрессии и Второй мировой войны люди снова относились к мясу как к драгоценности, распределяли его по нормам, никогда не тратили впустую. Но после окончания войны голод сменился изобилием, а сдержанность уступила место потворству. Потребление мяса резко возросло. Кухни стали тяжелее, экономики индустриализировались, а животные потеряли последние крупницы достоинства. Они больше не «отдавались». Их производили, размножали и убивали в невообразимых масштабах.

Договор был нарушен. Уважение растворилось. Связь между людьми и животными превратилась в эксплуатацию.

Вот почему я вегетарианец. Это не мода и не тренд. Это вопрос этики. Это слушание голосов, которые напоминают нам — старейшина кри, художник Ренессанса, буддийский монах, — что животные не товар, а спутники. Если мне не нужно отнимать жизнь, я отказываюсь это делать. Мое тело не будет могилой.

Животные — друзья, а не еда. Жить в соответствии с этой истиной — значит восстанавливать уважение там, где оно было утрачено. Это значит чтить мудрость тех, кто был до нас. Это значит отвергать индустрию, построенную на страданиях. И это значит стоять за будущее, в котором лось все еще ходит свободно, где его дар редок и священен, а не обыденен и подвергается насилию.